ЦИФРОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ УЛИЦ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРОЧНОЙ ФИКСАЦИИ СТРИТ-АРТА В ПРОЦЕССАХ ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ПАМЯТИ

Акимова М.М. (ИТМО), Кныш П.В. (ИТМО),

Научный руководитель – кандидат философских наук, преподаватель Могилевич М.Н. (ИТМО)

Стрит-арт занимает особое место в городской культуре. Как форма самовыражения, он отражает политические настроения, социальные конфликты и эстетические эксперименты, формирует культурный облик города [1]. Тему уличного искусства можно встретить в отечественных и зарубежных исследованиях, выделить стоит исследования А. Зори, Н. Самутиной и О. Запорожец, И. Поносова, С. Льюисона, Ж. Бодрийера. Однако, будучи эфемерным, стрит-арт подвержен постоянному исчезновению, что ставит перед исследователями и художниками вопрос о сохранении уличного искусства.

С появлением цифровых технологий возникли новые практики фиксации уличного искусства [2]. Аспект цифровизации в контексте уличных арт-объектов достаточно новый и малоизученный, тематически близкими можно назвать исследования Б. Гройса о цифровой архивации объектов искусства, М. Boscaïno о ценности стрит-арта в цифровую эпоху и Б. Латура и А. Лоу о миграции ауры объектов искусства. Оцифровка произведений стрит-арта позволяет создать виртуальные архивы, доступные вне зависимости от физического существования работ. Эти процессы порождают вопросы: кто и как принимает решение о том, какие произведения сохранять в цифровом виде? Актуальность исследования определяется тем, что в эпоху цифровизации архивы стрит-арта становятся пространством, где не только сохраняется визуальное многообразие города, но и происходит отбор того, что будет включено в культурную память, что может привести к вытеснению из истории целых пластов независимого искусства.

Цель исследования – выявить особенности процесса цифрового сохранения уличного искусства на онлайн-картах. Метод исследования: визуальный контент-анализ цифровых карт (Яндекс.Карты, 2ГИС), полевые наблюдения в трёх районах Санкт-Петербурга, фиксация несоответствий между виртуальной и физической репрезентацией стрит-арта.

Основная часть. Стрит-арт как феномен городской культуры давно вышел за рамки маргинальной практики. Первоначально ассоциируемый с граффити-культурами 1970–1980-х годов, сегодня он рассматривается как значимый элемент визуальной среды многих мегаполисов. Его временность и изменчивость делают фиксацию важной задачей, как для самих художников, так и для исследователей [3].

Практики цифровизации стрит-арта получили развитие в 2010-е годы с появлением специализированных платформ и архивов, таких как Street Art Cities, Global Street Art Foundation, а также локальных инициатив [2]. Однако цифровые архивы отражают не столько реальное состояние уличного искусства, сколько определенный культурный фильтр, задающий стандарты «ценного» требующего сохранения стрит-арта. Этот отбор коррелирует с институционализацией стрит-арта, когда городские власти и крупные бренды вовлекаются в создание муралов, превращая их в инструмент городского маркетинга и туристической привлекательности [4]. На фоне этого процесса возникает вопрос: какие формы стрит-арта попадают в поле зрения цифровых платформ, а какие остаются незамеченными?

Для выявления этих различий был выбран сравнительный анализ трех районов Санкт-Петербурга – центра, индустриальной окраины и жилого квартала, репрезентирующих различные типы городской среды. Сравнение показывает, что на цифровых картах фиксируются преимущественно крупные одиночные произведения, тогда как стены, насыщенные тэгами и мелкими граффити, остаются вне поля зрения.

Кейс 1: Двор Фонтанного дома.

На онлайн-картах можно найти только геотеги «Стрит-арт/граффити Анна Ахматова» и «Стрит-арт/граффити Анна Ахматова любительница абсента». Помимо указанных артов в приложенных фото иногда фигурируют надписи на стенах двора, но таких изображений мало, в жизни двор полностью исписан и является площадкой для свободного творчества. Это подтверждает, что «цифровую огласку» получают чаще крупные произведения, так, именно арты с Ахматовой, а не локальные надписи и тэги, формируют культурный канон пространства.

Кейс 2: Севкабель-порт.

В локации Порта артов на картах больше, что обусловлено презентацией Севкабеля как культурного пространства в СМИ. Несмотря на это, продолжается тенденция фиксации только крупных ярких артов и муралов, а вот надписей и стикеров, которых на локации много, на карте не найти. Коммерциализация пространства и его позиционирование как туристической зоны усиливают акцент на брендированные муралы, исключая спонтанные формы искусства.

Кейс 3: Клуб музей «Котельная Камчатка».

«Стрит-арт/урбанфреска Портрет Виктора Цоя» есть на картах, на большинстве фото показан сам арт, однако в отличие от предыдущих кейсов, здесь можно увидеть и фото соседствующих стрит-артов: стен с надписями, мелких рисунков. Можно предположить, что такое внимание к разным видам искусства обусловлено тематической целостностью пространства и согласованностью искусства с творческой индивидуальностью Цоя.

Таким образом, цифровизация стрит-арта запечатлевает лишь отдельные фрагменты, что приводит к созданию в виртуальной памяти города образа упорядоченной и эстетически привлекательной среды. В действительности же она гораздо более сложная и хаотичная. При этом цифровая репрезентация влияет на локальную идентичность и восприятие пространства как туристами, так и жителями, потому необходимо включать в неё все формы стрит-арта.

Выводы. Цифровизация стрит-арта фиксирует визуальную культуру города, но избирательно. В цифровую городскую память преимущественно попадают крупные муралы и художественные композиции, тогда как мелкие формы – тэги, надписи, стикеры – остаются за кадром. Это создает в цифровом представлении города образ ухоженного и визуально согласованного пространства, тогда как физическая городская среда остается динамичной и неоднородной. Такой отбор может привести к конструированию визуального канона, вытесняющего из культурной памяти спонтанные и протестные формы уличного искусства.

Список использованных источников:

- 1) Самутина Н. Стрит-арт и город / Н. Самутина, О. Запорожец // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2015. – № 2. – С. 5 – 17.
- 2) Кузовенкова Ю. А. Виртуализация граффити и стрит-арта // *Культура и искусство*. – 2018. – № 12. – С. 77 – 89.
- 3) Банщикова Г.И. Документирование урбанистического искусства: постановка проблемы. / Г.И. Банщикова. // *Эстетика стрит-арта : сборник статей / ФГБОУ ВО «С.-Петербург. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна»*; под общ. ред. К. А. Куксо. – СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 76 – 83.
- 4) Шлыкова О.В. Цифровые практики публичного искусства: коммуникативные стратегии «умного» города. // *Вестник культуры и искусств*. – 2021. – №3. – С. 124 – 134.